

АРМЕНЦИ

Изгнаници клетки, отломка нищожна
от винаги храбър народ мъченик,
дечица на майка робиня тревожна
и жертви на подвиг чутовно велик –
далеч от родина, в край чужди събрани,
изпити и бледни, в порутен бордей,
те пият, а тънат сърцата им в рани,
и пеят, тъй както през сълзи се пей.

Те пият... В пиянство щат лесно забрави
предишни неволи и днешни беди,
в кипящото вино щат спомен удави,
заспа ще дух болен в разбити гърди;
глава ще натегне, от нея тогава
изчезна ще майчин страдалчески лик
и няма да чуват, в пияна забрава,
за помощ синовна всегдашния клик.

Кат гонено стадо от някой звяр гладен,
разпръснати ей ги навсякъде веч –
тиранин беснеещ, кръвник безпощаден
върху им издигна за всякога меч;
оставили в кърви нещастна родина,
оставили в пламък и бащин си кът,
немили-недраги в далека чужбина,
един – в механата! – открит им е път.

Те пеят... И дива е тяхната песен,
че рани разяждат ранени сърца,
че злоба ги дави в кипежа си бесен
и сълзи изстискава на бледни лица...
Че злъчка препълня сърца угнетени,
че огън в главите разсъдък суши,
че молния свети в очи накървени,
че мъст, мъст кръвнишка жадуват души.

АРМЯНЕ

Изгнанники, жалкий обломок ничтожный
 народа, который все муки постиг,
 и дети отчизны, рабыни тревожной,
 чей жертвенный подвиг безмерно велик, —
 в краю, им чужом, от родного далеко,
 в землянке, худые и бледные, пьют,
 а сердце у каждого ноет жестоко;
 поют они хором, сквозь слезы поют.

И пьют они, чтобы забыть в опьянение
 о прошлом, о том, что их ждет впереди, —
 вино им дает хоть на время забвенье,
 и боль утихает в разбитой груди.
 Шумит в голове, все покрылось туманом,
 исчезнул отчизны страдальческий лик;
 к ее сыновьям, в омрачении пьяном,
 уже не доходит о помощи крик.

Как зверем голодным гонимое стадо,
 рассеялись всюду в краю, им чужом, —
 тиран-кровопийца, разя без пощады,
 им всем угрожает кровавым мечом.
 Родимый их край превратился в пустыню,
 сожжен и разрушен отеческий кров,
 и, беженцы, бродят они по чужбине, —
 один лишь кабак приютить их готов!

Поют они... Льется их буйная песня,
 как будто бы кровью исходят сердца,
 и давит их ярость, им душно и тесно,
 в душе у них — горе и гнев без конца.
 Сердца угнетенных наполнены гневом,
 в огне их рассудок, а взоры в слезах,
 и льется их песня широким напевом,
 и молнии мести сверкают в глазах.

А зимната буря им сякаш приглася,
бучи и завива страхотно в нощта
и вихром подема, издига, разнося
бунтовната песен широко в света.
И все по-зловещо небето тъмнее,
и все по се мръщи студената нощ,
и все по-горещо дружината пее,
и буря приглася с нечувана мощ...

Те пият и пеят... Отломка нищожна
от винаги храбър народ мъченик,
дечица на майка робиня тревожна
и жертви на подвиг чутовно велик –
далеч от родина, и боси, и голи,
в край чужди събрани, в порутен бордей,
те пият – пиянство забравя неволи,
и пеят, тъй както през сълзи се пей!

И зимняя буря, их пению вторя,
бушует, и воет, и дико ревет,
и вихрем бунтарскую песню в просторе
далеко по белому свету несет.
Зловещее небо насупилось мгlistей,
и все холоднее студеной ночь,
а песня все пламенней, все голосистей.
И буря ревет, голосит во всю мочь...

И пьют... и поют... То обломок ничтожный
народа, который все муки постиг,
то дети отчизны, рабыни тревожной,
чей жертвенный подвиг безмерно велик.
Босые и рваные, в тяжелой разлуке
с отчизной далекой, вино они пьют,
стремясь позабыть все несчастья и муки, —
поют они хором, сквозь слезы поют!

Перевод **Михаила А. Зенкевича**

ARMÉNI

Nešťastní psanci, ti zbloudili synové
 chrabrého národa v područí běd,
 synové matky, jež trápí se v okovech,
 oběti činu, jenž ohromil svět,
 daleko od vlasti, v nevlídné cizině,
 bledí – což prolili všechnu svou krev? –
 v zapadlé putyce sešli se při víně,
 zpívají – v slzách se rodí ten zpěv.

Pijí a nemyslí v úlevné závratí
 na muka, která jim včerejšek dal,
 vzpomínku na dnešek do pekel zatratí,
 v rozbité duši se utiší žal;
 hlavy jim poklesnou ve vinném oparu,
 nevidí tvář, kterou zohavil blín,
 volání o pomoc v plamenech požáru,
 matčino volání neslyší syn.

Jak stádo před dravcem prchají do světa,
 za nimi požáry, za nimi seč,
 katova ruka – buď navěky prokleta! –
 den co den nad nimi zvedala meč,
 odešli: krvácí matka vlast jediná,
 odešli: rodný dům v plamenech stál –
 nezná se ke psancům nevlídná cizina,
 jenom ta putyka pozve je dál.

Zpívají... Píseň se do sluchu zatíná,
 že starých ran jim zas vytryskla krev,
 vzkypělá zloba je dusí jak lavina,
 bezmocné slzy a bezmocný hněv...
 Po okraj plná je číše, už přetéká,
 tatam je rozvaha, tentam je klid,
 dravčí svit vyšlehl ze zraku člověka –
 budou se mstít, bože, strašlivě mstít!

ORMIANIE

Nieszczęśliwi wygnańcy, nikła garstka synów
 narodu – męczennika z pełną męstwa duszą,
 ofiary wiekopomnych, bohaterskich czynów,
 dzieci wziętej w niewolę matki – dzisiaj muszą
 na obczyźnie się tułać, daleko od swoich
 wynędzniali i bladzi, noszą w sercach rany,
 piją w nędznej izdebce, serca chcą ukoić
 wsłuchani w tony pieśni swych przez łyzy śpiewanych.

Piją... Bo się w pijaństwach łatwiej zapomina
 i minione nieszczęścia, i biedę dzisiejszą,
 bo wspomnienia utopić można w dzbanach wina,
 niech duszę chorą uśpią, niechaj ból umniejszą:
 niechaj głowa zaciąży, niech łza się nie kręci,
 a może zniknie z oczu smutna twarz matczyzna,
 i już nie będą słyszeć w nagłej niepamięci
 tej, co woła o pomoc, tej, co wzywa syna.

Jak stado przepędzone przez głodnego zwierza,
 rozpierzohli się już wszędy, ratując swe życie –
 to na nich miecz swój podniósł i mieczem uderza
 oszalały despota, krwawy ciemieżyciel;
 pozostała za nimi ojczyzna skrwawiona
 stare kąty ojcowskie strawione pożogą,
 bezdomni i bezradni gdzieś w dalekich stronach
 mają drogę – do karczmy! i idą tą drogą.

Śpiewają... A ich pieśni gniewne są i dzikie,
 bo męka serc krwawiących w pieśni się obnaża,
 bo wściekłość się wrywa niewstrzymanym krzykiem
 i łzom każe się toczyć po wychudłych twarzach...
 Bo serca żółć zapiekła obraca na nice,
 bo ogień w głowach płonie, rozsądek wysusza,
 bo w oczach krwią nabiegłych świecą błyskawice,
 bo zemsty jest spragniona udręczona dusza.

V noci jim na pomoc vichřice přilétá,
vyje a dívoce naříká v tmách,
vyzdvihá, vichří a odnáší do světa
odbojnou píseň, jez nahání strach;
vichřice běsní a se sněhy zápolí,
v mrazivé noci se víc a víc tmi,
ohnivá družina víc a víc hlaholí,
vichřice burácí, hlaholí s ní...

Pijí a zpívají – zbloudili synové
chrabrého národa v područí běd,
synové matky, jež trápí se v okovech,
oběti činu, jenž ohromil svět –
daleko od vlasti, bosí a orvaní
sešli se v putyce horší než chlév,
pijí a ve vínu utápí strádání,
zpívají – v slzách se rodí ten zpěv.

Přeložila **Ludmila Kroužilová**

A wtóruje im zimy mroczna zawierucha,
 huczy i wyje nocą wielka i straszliwa,
 i unosi w wichurze, która chłodem dmucha
 pieśń buntu i niedoli, i w świat ją porywa.
 I niebo coraz bardziej ciemnieje nad nimi,
 i coraz bardziej wokół noc wietrzna szaleje,
 i coraz to goręcej śpiewają pielgrzymi,
 a ich pieśniom bezdomnym wtórują zawieje...

I piją, i śpiewają... Nikła garstka synów
 narodu-męczennika z pełną męstwa duszą,
 ofiary wiekopomnych, bohaterskich czynów,
 dzieci wziętej w niewolę matki – dzisiaj muszą
 na obczyźnie się tulać boso i bezdomnie,
 w nędznej izbie stłoczeni, która nie jest domem,
 piją, by swoich nieszczęść przy trunku zapomnieć,
 śpiewając pieśni swoje, gorzkim łzom znajome.

Przekład: **Jerzy Ficowski**